

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XX

Buenos Aires, Martes, 24 de setiembre de 1968

Буэнос Айрес, вторник 24 сентября 1968 года № 971

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

355. ЗАПАДНАЯ РЕАКЦИЯ НА ВОЕННУЮ ОККУПАЦИЮ ЧЕХОСЛОВАКИИ. — СЛОЖНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ, СОЗДАННОГО СОВЕТСКОЙ АВАНТЮРОЙ, ВЫЗЫВАЕТ ЯВНЫЕ НЕСОГЛАСИЯ ВНУТРИ ПОЛИТБЮРО. — ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС ЗАСТАВЛЯЕТ ОТОДВИГАТЬ НА ЗАДНИЙ ПЛАН САМЫЕ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ. — СМЕРТЬ ТАЛАНТЛИВОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО РЕЖИССЕРА Н. П. АКИМОВА.

Как я писал в прошлый раз, вторжение советских войск в Чехословакию явилось для меня лично неожиданным. Но теперь выясняется, что западно-германская разведка заранее сообщила в НАТО о том, что советское военное командование в лице генерала Якубовского приказало “фольксармее” восточной Германии приготовиться ко вторжению в северо-западные районы Чехии и занять ряд пограничных городов. Но беспечные американские генералы думали только о своих летних отпусках и предпочли верить своим столь же беспечным разведчикам, которые их уверили, что восточные немцы будут демонстрировать вдоль границы, не переступая ее. Поэтому согласованное наступление со всех сторон, начатое в предписанный Якубовским час, застало американских генералов, возглавляющих НАТО, врасплох. Главнокомандующий генерал Лемнишер послешно вернулся из Греции, куда поехал на маневры своего южного сектора.

Надо признать, что весь Запад растерялся: в то время, как большинство коммунистических партий осудило публично агрессию и тем показало, что Брежнев не повинуетя так, как повиновалось не только Сталину, но и Хрущеву, американская дипломатия постаралась сговориться с СССР по-хорошему: вместо грозного протеста последовали успокоительные заявления, что это не нарушит добрых отношений между США

и СССР. Такие же заявления сделали Франция и Великобритания. Протестовали только Зап. Германия и Италия, как и бывшие сателлиты Москвы: Румыния и Югославия.

Опьяненный своим успехом, Брежнев возможно решил повторить ту же операцию с Румынией, что для СССР гораздо проще сделать, чем с Чехословакией. Ведь последняя граничит с двумя государствами свободного мира: Западной Германией и Австрией, а Румыния может рассчитывать лишь на поддержку Югославии, ибо на прочих ее границах стоят венгерские, советские и болгарские войска. Затем надо помнить, что в ее пределах живут полтора миллиона мадяр, которые могли бы приветствовать возвращение их земель Венгрии. То же могут чувствовать и живущие в Добрудже болгары.

Однако, тут произошел ряд неожиданных для Брежнева событий. Прежде всего, Тито заявил о солидарности с Румынией в оппозиции оккупации Чехословакии, которая не должна повториться в отношении других “народных демократий”. Он понимал, что за Румынией придет очередь Югославии, если Брежнев начнет покорять одного непокорного сателлита за другим. Чауческу призвал к оружию народное ополчение, а венгры северо-западных окраин заявили о готовности защищать общее с румынами “отечество”. Дело в том, что в Румынии венгры чувствуют

себя более свободными, чем их земляки под беспощадной пятой Кадара. Сыграть на их национальных чувствах не удалось.

Но, что гораздо важнее, Джонсон открыто и де Голль более мягко дали понять, что не допустят военной оккупации Румынии и тотчас Добрынин в Вашингтоне и Зорин в Париже опровергли всякие “вымыслы” о намерении оккупировать Румынию. Разное отношение Джонсона к Румынии и Чехословакии объясняется не только тем, что США оправданы от неожиданного испуга, вызванного появлением советских танков в Праге, но и тем, что почти все лидеры румынской компартии евреи и эта страна в отличие от всех сателлитов СССР занимает произранльскую позицию против арабов, что так дорого большинству американских политиков. Вспомним, что румынский министр иностранных дел Манеску является теперь очередным председателем Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций и правой рукой У-Тханга, а потому обращаясь с ним так, как в Москве обращались с Дубчеком было бы пощечиной Объединенным Нациям.

В этой обстановке Киссинджер отверг наглый меморандум советского посла С. К. Царапкина, который потребовал от Боннского правительства: признания всех установленных перемирием границ, отказа от Берлина, признания де юре правительства Ульбрихта, восстановления распушенной и объявленной вне закона компартии, немедленного предписания соглашения о запрете термоядерного оружия и дальнейших попыток добиться вооружений, составляющих монополию ее победителей, воспрещение нац.-демократической партии и всяких “землячеств”, носящих реваншистский характер, как “союз судетских немцев”, “пруссакон” и др. Киссинджер спокойно отверг эти наглые требования.

Но тут последовал другой неудачный американский маневр: мирно отъехавший в летнем отпуске посол в Москве Ллевеллин-Томпсон был вызван в Вашингтон и участвовал в обсуждении вопроса: не пора ли теперь, чтоб умилостивить Косыгина, вызвать его на свидание с Джонсоном в Женеву. Такое приглашение явилось бы ответом на его

ПОЧТОГРАММА

Старшему Лейтенанту ДВОРЖИЦКОМУ,
Председателю Всезарубежного Объединения
Морских Организаций.

От Имени Великой Княгини, Своего и Великой Княжны поздравляю Вас и всех офицеров Мессинского выпуска с 60-летним юбилеем.

Весь личный состав кораблей, спешно прибывших к берегам Сицилии на место катастрофы для оказания помощи жертвам землетрясения, может по праву гордиться высокомиловидными словами Государя Императора Николая Александровича сказанными начальнику отряда контр-адмиралу Литвинову, награжденного зачислением в Государеву Свиту: “Моряки сделали больше, чем все Мон дипломаты”.

Вспоминая о доблести проявленной в Мессине, шлю сегодняшним юбилярам и их семьям пожелания благоденствия, здоровья и несокрушимой веры в грядущее возрождение Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Флота.

ВЛАДИМИР

6:19 мая 1968 г. Мадрид.

(Бюллетень № 2—116 Общества Офицеров Российского Императорского Флота в Америке от 15 августа 1968 г.).

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ СЛУЖЕНИЯ “НАШЕЙ СТРАНЫ”

После своего самоотверженного труда в других странах нашего рассеяния творец нашей народно-монархической доктрины незабвенный Иван Лукьянович Солоневич создал 18-го сентября 1948 года наш постоянный еженедельный печатный орган, который уже два десятилетия служит в нашем рассеянии далеким путеводным маяком. В те годы я еще скрывался от “охотников за нашими черепами” из репатриационных комиссий и создание этого, отвечающего моим чаяниям органа печати, осталось мне неизвестным, почему и не принадлежу к старейшим его сотрудникам.

Наше знамя, поднятое в далекой заокеанской стране основателем газеты при оставлении им редакции в силу злых наветов было подхвачено ставшим мне впоследствии столь дорогим Всеволодом Константиновичем Дубровским, пригласившим меня сотрудничать в марте 1955 г. С того времени появились мои статьи “На Родине” и началась моя согласованная с генеральным секретарем-редактором постоянная посильная политическая работа народного монархиста. Мне не пришлось никогда видеть номеров газеты за первые годы ее издания, но учение Ивана Лукьяновича, которое полностью разделяю, и твердое руководство Всеволода Константиновича позволили мне внести свою посильную лепту в наше общее дело служения поработавшему народу нашему, страдания и чаяния которого разделял в продолжении четверти века, и Законному Правопреемнику Всероссийских Императоров. Политическое сотрудничество с Всеволодом Константиновичем перешло в самую тесную личную дружбу, хотя мы никогда лично не встречались. Все мы, его друзья, разделяли с самоотверженно служившей и больному редактору и его газете Татьяной Владимировной ее скорбь и теперь каждый из нас с ней вблизи или вдали празднуем двадцатилетие газеты, которую она с мужеством и знанием дела продолжает выпускать. Мысленно через океан я переносился в далекий для меня Буэнос Айрес в ту скромную квартиру, где угасал наш друг, редактор и политический руководитель, затем к воздвигнутому ему на чужой земле памятнику, а ныне в невиданный мной Кафедральный Собор Воскресения Христова. Мои молитвы мысленно несутся с вами, Друзья, к Престолу Всевышнего. Да благословит Господь дальнейший выпуск газеты, да сохранит Татьяну Владимировну, без которой угас бы возженный 20 лет назад Иваном Лукьяновичем наш монархический светильник, да пошлет в него масла веры, надежды и любви, как завещал Христос мудрым девам. Если не мне, то Татьяне Владимировне и более молодым секретарям и нашей монархической молодежи да даст Всевышний выпустить юбилейный номер в день 25-летия в родной Москве и возблагодарить Спасителя в Соборе очищенного от скверны Кремля.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

Основной грех, который России приходится испустать, — это грех крепостнического наследия и как его последствие грех марксистского наследия. Мы с одинаковой беспощадностью относимся как к преступлению крепостничества, так и к преступлению марксизма.

Иван СОЛОНЕВИЧ

визит в США, на который Джонсон еще не ответил поездкой в СССР. Но из Москвы дали понять, что Косыгину некогда ездить встречаться с доживающим последние месяцы своего пребывания в Белом Доме президентом.

Начин Джонсона и отказ Косыгина имеют, однако, более серьезные и глубокие причины: на основе докладов своего посла в Москве Джонсон полагал, что Косыгин принадлежит к более осторожным членам политбюро, которые не очень одобряют авантюру Брежнева, изолирующую СССР, роняя престиж КПСС среди западных компартий. Свидание укрепило бы авторитет Косыгина в Москве. Затем он рассчитывал, что в обмен за предательство в отношении Чехословакии (уже не первое в истории — вспомним 1938 и 1947 г. г.) Косыгин уговорит Хо Ши Мина в ответ на прекращение бомбежек Сев. Вьетнама отвести свои регулярные войска на Север, без которых южные ветконги прекратили бы сопротивление.

Но Джонсон не учел самого важного фактора: влияния Пекина на мировую политику коммунизма. Как раз теперь Пекинское радио ежедневно кричит, что “согласитель” Брежнев, якобы, тайно сговорился с Дубчеком оккупировать его страну, чтоб показать всему миру свою верность ленинскому коммунизму, а затем позволить ему, оставаясь у власти, продолжать свой путь к капитализму. При этом добавляет Пекин, на эту комедию было заранее испрошено со-

Редактору газеты "Наша Страна"

Татьяне Владимировне Дубровской.

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

Примите мое сердечное поздравление и членов Союза Императорской Конницы и Конной Артиллерии с знаменательной датой — 20-летия существования нашей прекрасной национальной газеты "Наша Страна".

20 лет жизни "правой" газеты, не пользующейся помощью "сильных мира сего", — это есть подвиг ее основателей и редакторов наперекор всем трудностям неуклонно ведущим ее на пути служения Вечной Исторической России и ее живому символу — Главе Российского Императорского Дома Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

Подобно сменяющимся в бою у Знамени знаменосцам, так и сменяющиеся у "Нашей Страны" ее руководители вот уже 20 лет ведут ее вперед, как несклоняющееся Знамя монархической идеи.

Греклонив свои головы перед памятью основателя "Нашей Страны" Ивана Лукьяновича Солоневича и ее долголетнего редактора-издателя незабвенного Всеволода Константиновича Дубровского, вознесем молитвы, чтобы Господь Бог послал Вам, глубокоуважаемая Татьяна Владимировна, их сменившей, душевные силы и бодрость вести Ваше ответственное и полезное дело.

Искренне преданный Вам

Полковник Ю. Слэзкин

гласне Джонсона, с которым уже давно сговорились "последыши ревизиониста Хрущева" о разделе мира и эксплуатации всех трудящихся под флагом "мирного сосуществования". Теперь, когда Москва готовится к ноябрьскому всемирному "совещанию коммунистических и рабочих партий", как было условлено в Будапеште (что помнят читатели) всякое свидание с Джонсоном и нажим на Хо Ши Мина в сторону сговора с американцами явились бы блестящим подтверждением справедливости всех обвинений Пекина. Поэтому в Москве резко отказались от встречи с уходящим вскоре с поста президентом.

Надо сказать, что до сих пор Брежнев просчитался: прежде всего ему не удалось найти среди чехословаков нового Кадара. Теперь рассчитывают на секретаря словацкой компартии Гусака, который в своей речи признал, что надо бороться с "контрреволюцией" и что было ошибкой (Дубчека) не дооценивать того, что "новый курс" вызовет подозрения со стороны других социалистических союзников по Варшавскому блоку. Но Дубчек так популярен, что народ ему сочувствует даже после испытанных в Москве унижений. Всякое лишнее слово в осуждение Дубчека или Свободы или Смирковского вызывает негодование населения. Оно ведь идет за вождями компартии только потому, что понимает их стремление вырваться из щупальцев кремлевского спрута.

Но далеко не всем в Москве, даже в правящих кругах нравится Брежневская авантюра. Я уже не говорю о протестовавших на Красной площади и за это немедленно арестованных жене писателя Даниэля, проф. Литвинове, поэтессе Наталье Горбаневской, литературном критике Викторе Файнберге, филологе Константине Бабищине, поэте Вадиме Делонэ и рабочем Владимире Дремлянко.

Нет, помимо этих явных врагов нынешнего курса и всего режима в целом, даже среди правящих партийных лидеров и среди военных авантюра Брежнева вызывает сомнения. Еще сегодня мне довелось слышать от моих западных коллег, что вторжение в Чехословакию является делом рук советских маршалов, которые, якобы, теперь взяли верх и заставили политбюро пойти на военную оккупацию. Это рассуждение типично для западных журналистов, не умеющих делать различие между угнетенным русским народом и его угнетателями и шаблонно считают, что всякий военный хочет войны, а дипломат или член политбюро ищет сохранения мира.

Напомню, как я уже писал, что все античешские мероприятия были на пленумах ЦК предложены Брежневым и одобрялись другими членами политбюро (но не всеми) при красноречивом молчании маршалов и генералов, входящих в состав ЦК. Длинная декларация, опубликованная в оправдание аг-

рессии, говорит, что ЦК КПСС одобрил январский Пленум ЦК компартии Чехословакии, замену Новотного Дубчеком и "новый курс", направленный на устранение ошибок и злоупотреблений прежнего партийного руководства, затем не вызвало возражений удаление Новотного с поста президента республики с заменой его генералом Свободой. Но решение майского пленума ЦК компартии Чехословакии и дальнейшие события: опорожнение всех достижений за 20 лет коммунистической диктатуры, кампания в печати, по радио и телевизии против СССР, стремление к экономическому сотрудничеству с капиталистическим миром, особенно с Зап. Германией, допущение оппозиционных компартии кружков, клубов, союзов, удаление с поста верных СССР политиков, — все это привело к предупреждениям, сделанным в Дрездене, в Варшаве, куда Дубчек отказался приехать, в Черне над Тиссой, в Братиславе. Неспособность или нежелание бороться против контрреволюции вызвали занятие страны войсками пяти союзников по Варшавскому пакту, которые уйдут лишь после "нормализации положения в стране".

Анализ продиктованной Брежневым декларации ясно показывает, что отход Чехословакии был бы соперниками по политбюро поставлен в вину ему лично и вызвал бы его падение и занос "либеральной заразы" в другие страны, пока покорные Кремлю. Если Сталина никто не смел попрекнуть за то, что допустил измену Тито, то отпадение Албании и, что поважнее, Китая с колебаниями Румынии вызвали падение не сумевшего с ними справиться Хрущева. Та же судьба могла бы постигнуть Брежнева в случае отпадения Чехословакии и образования враждебного СССР блока "алой Антанты" при сговоре Дубчека с Тито и Чауэску.

Но военные лучше всяких политруков и осведомителей ЦК понимают, как непопулярно в глазах советских солдат вторжение в мирную славянскую страну. В Венгрии они явились в 1956 году в разгар уличных боев помочь коммунисту Кадару победить "изменников коммунизма", а теперь их послали поработать коммунистическую страну по своему строящую коммунизм. Конечно, военные молчат и повинуются приказам, но их орган "Красная звезда" старается показать, что население хорошо принимает пришедшие войска, которые помогают восстанавливать дороги и убирать урожай. На поле крестьянка стала неожиданно до срока рожать. Советский танк повез ее в больницу, но "контрреволюционеры" сместили дорожные указатели и танк не поспел в больницу. Она благополучно родила здорового мальчика в самом танке и обещала назвать его Иваном в честь лейтенанта-командира этого танка, неожиданно выступившего с успехом в роли акушерки. Но подобные рассказы больше встречаются в "Красной звезде" или "Известиях" — органе Косыгина. "Правда" же печатает рассказы о сопротивлении, саботаже, перечисляет "жертвы" контрреволюционеров: бывший партизан и шпион в германских тылах в прошлую войну, а теперь военный корреспондент "Правды" полковник Бурзенко изю дня в день сообщает, как "рядовому Н. Макаренко камнем проломил голову, солдат А. Головченко ранен выстрелом из дома, который он охранял. Раненые сержант В. Усачев и рядовой И. Булжанаскас, перевязав ра-

ны, остались в строю... за вчерашний день от автоматического огня пострадало семь воинов..." Он красочно описывает, как из дома стреляли в неназванного им майора, который тогда с патрулем ворвался в дом и там обнаружил не убежавшего террориста и склад оружия.

Вопль подняла "Правда" по поводу гибели двух советских журналистов. Подпольное радио говорит, что они погибли при аварии вертолета, но "Правда" утверждает, что "рука контрреволюции прервала в Чехословакии их жизнь". Один из них Карл Непомнящий (его настоящая фамилия и национальность не указаны) в годы прошлой войны работал шпионом в германском тылу в Белоруссии, за что получил орден Красного знамени. Потом подвизался "на самых горячих участках борьбы за коммунизм", в частности был в Конго в период борьбы между Лумумбой и Чомбэ, а теперь послан на вертолете отыскивать группы контрреволюционеров, одна из которых, якобы, подбила вертолет. Так он погиб 25-го августа на четвертый день оккупации. С ним погиб легавший на том же вертолете старший редактор главной редакции политинформации Агентства печати "Новости" Александр Александрович Зворыкин, о котором больше ничего не сообщают. Эти две предполагаемые единственные жертвы Брежневской авантюры торжественно похоронены в Москве.

В резком противоречии с враждебным тоном "Правды", который поддерживается партийным органом "Комсомольская правда" и подхалимской "Литературной газетой" стоит не только "Красная звезда", но и напечатанная в "Известиях" статья маршала И. С. Конева по случаю годовщины вступления советских войск под его командованием в Чехословакию. Он пишет о героизме командира чешской бригады будущего генерала Людвика Свободы, который всегда просил маршала Конева посылать его бригаду на самые опасные участки фронта и поручать ему рискованные задания, ибо знание его солдатами языка и местности позволит им лучше всего их выполнить. Осенью 1944 года вспыхнуло в горах Словакии восстание, подавленное немцами еще до прихода войск маршала Конева. В борьбе словацких партизан тогда особо отличился мужеством и правильным выполнением боевых заданий молодой партизан Александр Дубчек, потом радостно встретивший наступавшие советские войска.

Для меня совершенно ясно, что помещенные этой аналогией не только Свободы, но и Дубчека, которого незадолго перед тем "Правда" называла изменником, в органе возглавляемого Косыгиным правительства произошло с ведома и одобрения последнего. Отсюда ясно, что Косыгин, как и маршал Конев, считают нужным восстановить в глазах советских читателей авторитет того партийного вождя, с которым им пришлось в Кремле договариваться ввиду его исключительной популярности в народе и среди партийных лидеров и всех членов делегации, которая пополнилась Дубчеком, Черником и Смирковским после того, как Свобода отказался без них вести переговоры и угрожал, что при отказе покончит самоубийством. Это Сталина не напугало бы, но на Брежнева подобная угроза подействовала.

В начале сентября Дубчек добился одной уступки: он заявил, что генерал Павловский не обладает достаточными

Редактору газеты "Наша Страна"

Татьяне Владимировне Дубровской.

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

По случаю 20-летия руководимой Вами газеты "Наша Страна", правление Центра Русских Белых в Аргентине сердечно поздравляет Вас и искренне желает, чтобы и в дальнейшем эта газета так же верно служила русской монархической идее и перенесла бы свое служение на Родную Русскую Землю.

Н. Седяревич

В. Михаленко

Д. Фишкин

А. Малешевская

М. Седяревич

полномочиями для переговоров с правительством, а потому просит Москву прислать для переговоров о "нормализации положения" ответственного представителя правительства.

6-го сентября прибыл первый заместитель министра иностранных дел Василий Васильевич Кузнецов. Читатели помнят из моих статей, что этот 59-летний член ЦК, выбранный в его состав еще при Сталине в 1952 году, занимает уже тридцать лет пост первого заместителя сначала Молотова, а потом Громыко. По образованию инженер-металлург, получивший Сталинскую премию за выплавку специальных видов стали, перешел в дипломатию после организации им в США промышленной выставки в качестве зав. иностранным отделом Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов. Напомню читателям, что он сопровождал Подгорного в Италию и не поехал с ним на аудиенцию к Папе под предлогом желудочного расстройства, что не помешало ему в часы пребывания Подгорного в Ватикане демонстративно разгуливать по людной виа Национале, разглядывая витрины римских магазинов. Вот с кем ведет теперь переговоры Дубчек, добиваясь скорейшей хотя бы частичной эвакуации оккупационных частей, из которых пока ушла лишь одна восточно-германская дивизия.

Результатом первых бесед с Дубчеком, Черником и Свободой, которых Кузнецов посетил в сопровождении посла СССР тоже члена ЦК 55-летнего Степана Васильевича Червоненко, явилось соглашение о новой конференции в Москве. Дубчек заявил, что ставит своей целью добиться эвакуации оккупационных частей, которые теперь вежливо называются "войсками участников Варшавского пакта", и продолжения прежнего "нового курса". Многие опасаются, что Москва потребует замены Дубчека секретарем компартии Словакии Августом Гусаком, который обещает бороться "против контрреволюционеров". Посмотрим, посмеет ли Москва заменить популярного Дубчека менее популярным Гусаком. Впрочем, прочитав полный текст столь восхваляемой речи Гусака при избрании его первым секретарем компартии Словакии, нахожу в ней мало отличия от речей Дубчека: он предлагает бороться против двух "крайностей": возвращения к эпохе Новотного, что народ не примет, и против тех, кто не принимает московский сговор с вождями КПСС, ибо это было бы нереально (надо понимать — невозможно, неосуществимо на практике). Затем он опроверг, что возможно течение за полное отделение Словакии от Чехии, с которой ее связывает общая судьба в прошлом и общая борьба за общие идеалы в будущем. Он радуется, что словацкое крестьянство мирно убирает урожай и поддерживает политику общего чехословацкого руководства партии и правительства. Призывая интеллигенцию понять необходимость выполнять принятые в Москве обязательства, он заверяет, что новое бюро печати (орган предварительной цензуры) будет работать в контакте с писателями и журналистами. Говоря о поддержке крестьянством ЦК компартии, Гусак отметил, что впервые в истории всех компартий удалось при новом курсе обеспечить поддержку компартии всем крестьянством, что доказывает правильность "нового курса". Здесь можно видеть осторожный намек на зверское раскулачивание в России, к которому при новом курсе даже под орудиями советских танков Дубчек и Гусак не прибегнут.

Поэтому не вижу в нем отличия от Дубчека, хотя он произнес фразу о борьбе против "контрреволюционеров и врагов коммунизма", наличие которых в

• ПИСЬМО ПОДГОРНОМУ

(КРС) Группа известных западных писателей и деятелей культуры направила председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному открытое письмо, в котором выражается сожаление, что в Советском Союзе было не разрешено опубликовать некоторые произведения советского писателя Солженицына. Аналогичные письма были направлены советскому послу в Бонне Царапкину и послу СССР в Восточном Берлине Абрахимову.

Автором письма является западно-германский драматург Рольф Хоххут. Письмо также подписали: американский драматург Артур Миллер, немецкий философ Карл Ясперс, итальянский публицист Фельтринелли, пастор Мартин Ниммеллер и западно-германский писатель Гейнрих Белл.

В письме говорится, что мировая общественность очень обеспокоена тем обстоятельством, что на публикацию произведений Солженицына в Советском Союзе вновь наложено запрет.

В конце июня, орган Союза писателей СССР — "Литературная газета" обвинила Солженицына в применении методов "буржуазной пропаганды" с целью оказания давления на Союз писателей СССР. Газета при этом основывала свои обвинения на опубликовании за границей двух произведений Солженицына — "Раковый корпус" и "В круге первом", а также на его письме последнему всесоюзному съезду советских писателей.

Копии обоих произведений при невыясненных обстоятельствах попали на Запад и были опубликованы на русском языке без согласия автора. В Советском Союзе эти произведения Солженицына опубликованы не были.

БЕСЕДА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ

В мадридском журнале "Диес Минутос" ("Десять Минут") от 16-го марта 1968 года появилось, иллюстрированное фотографиями, описание свидания с Великим Князем Владимиром Кирилловичем сотрудника названного печатного органа.

Для читателя полны значения ответы Великого Князя на задававшиеся ему вопросы.

Вот что передает репортер.

Образы первых царей и великих князей московских встают в памяти в ту минуту когда приветствуем человека средних лет, имеющего облик технократа, проявляющего свой активный характер движениями полными решимости.

Великий Князь Владимир Кириллович, образец вежливости, приветливости, сдержанности и глубокомыслия, изучает современную политику и прекрасно осведомлен о русских делах. В серьезности, с которой Он, при разговоре, медленно разводит руками, видна вдумчивость характера.

"Нельзя отрицать возможность восстановления монархии в России", — говорит нам Великий Князь.

"Но, Ваше Высочество, советская общественность укрепила вокруг нынешнего режима, промышленность и наука, исследования, все достигнуто в России настолько высокого уровня развития, что сомнения насчет политической прочности режима не кажутся возможными".

"Уважаю ваше мнение. Многие мне говорили о том же, поэтому не думайте, что меня удивляет. Я хорошо знаю, что на этом уровне для постороннего наблюдателя казалось бы трудным питать надежды, но я верю в то, что русский народ, испытавший величайшие страдания в своей недавней истории, возвратится к своим государям".

"Удовлетворены ли Вы прогрессом в России?"

Великий Князь улыбается. На бюро стоит конная статуя Александра II, которая, изучая исторические воспоминания, является утверждением твердой воли к преодолению испытаний.

"Да, меня радует развитие техники в России, но думаю, что в стране потеряна значительная часть ее наиболее глубокой сущности, ее собственного исторического бытия. Народы имеют присущий им дух, который не может совершенно иссякнуть".

В глазах Великого Князя проскальзывает тень европейской политической традиции. Понятие о судьбе народов, покровительствуемых Монархией, держится в этом Наследнике на Царский Трон: смесь чистосердечия и упорства в своих убеждениях.

"Верю в монархический образ правления — голос Государя всегда является решающим — монархи всегда спасают положение".

"Что касается монархии, думаете ли Вы, что ее существование представляет собой явление конституционное и демократическое, с народными свободами, политическими партиями и режимом парламентарного представительства путем всеобщего права голоса?"

"Монархия всегда сумеет пойти навстречу к нуждам своего народа".

"Предполагаете ли при случае посетить теперешнюю Россию?"

"В этом мне препятствуют соображения нравственного порядка".

В саду при вилле находится домовая церковь, скромная и изящная.

стране Дубчек отказывается признать, ибо это означает оправдание советского вторжения под предлогом борьбы с этими "контрреволюционерами", как это было в Венгрии.

Но и в Москве и в Праге понимают, что Дубчек — весьма ненадежный союзник СССР, что за ним пошел весь народ именно потому, что фактически при всех заверениях в преданности он вел страну по пути освобождения от советского "протектората" и вторжение советских войск только усилило ненависть к СССР и КПСС.

Здесь я хотел бы подчеркнуть, что сами чехословаки гораздо лучше понимают, что СССР не Россия, что русский народ — жертва коммунизма и не соучастник преступлений засевших в Кремле главари компартии, самозванных властителей — душителей нашего народа в продолжении полувека. В то время, как западная печать, включая и коммунистическую, видит в захвате Чехословакии продолжение "империалистической политики" Русских Царей, победу "московского милитаризма", расправу "русских генералов" над демократическим государством, сами чехи отлично разбираются в том, что это — попытка интернационального коммунизма подчинить чешский народ диктатуре засевших в Кремле лидеров компартии, как они закабалили русский народ еще полвека тому назад. Свобода Чехословакии от давящей диктатуры может быть достигнута лишь путем свержения советской диктатуры силами самого русского народа, а не ищущих для себя выгодных соглашений с угнетателями русского, чешского, словацкого и многих других народов западных политиков. Это надо помнить и неуставно всем во всем мире разъяснять.

Чехословацкая проблема так тяготит советских политиканов, что им приходится отложить в сторону все прочие стоящие перед ними вопросы. В политбюро как будто забыли, что в ноябре Брежнев созывает совещание коммунистических и рабочих партий для осуждения "раскольничьей фашистской группы Мао-Тзе", то есть самой многочисленной в мире после Советского Союза компартии. Но как это сделать теперь, если советские войска останутся в Чехословакии? Изо дня в день растет число компартий, требующих ухода этих оккупантов. Политику оккупации Чехословакии осуждают самые сильные на

Западе компартии Италии и Франции и их органы печати "Унига" и "Юманите", всякие видные партийные писатели, как Андре Вурмзер, Луи Арагон, даже заключенные в греческих тюрьмах и интернированные на острове Лерос греческие коммунисты во главе с престолуемым Манолом Глезосом требуют ухода оккупантов из Чехословакии и выражают сочувствие Дубчеку и его сторонникам. Обычные поклонники СССР и советофилы, поклонники Сталина и Хрущева, как британский философ Бертран Рассел, итальянские коммунистические писатели Унгари и Вигорелли, всякие артисты и работники литературы, искусства, знаменитости кино и театра без исключения требуют прекращения оккупации и ухода советских и союзных с ними дивизий. Никогда даже в дни ежовщины правители СССР не были так изолированы и проклинаемы своими прежними сторонниками и поклонниками, как сейчас. Поэтому в такой обстановке возможны всякие сюрпризы и захват дивизиями генерала Павловского Чехословакии не укрепил, а ослабил положение Брежнева, которого в любой момент свои же соперники по политбюро могут сделать козлом отпущения за эту авантюру, без которой Чехословакия явно отходила вслед за Румынией от советского блока сателлитов Восточной Европы.

В ночь на 6-е сентября скончался от сердечного припадка приехавший в Москву на гастроли Ленинградского Театра Комедии его талантливый режиссер Николай Павлович Акимов.

Родившись в 1901 году, Акимов уже в 1922 году дебютировал в Харьковском Театре Юных Зрителей, через год переехал в Ленинград, где провел почти всю свою жизнь. Николай Павлович был не только артистом и режиссером, но и замечательным художником-декоратором. В 1927 году его декорации имели заслуженный успех на Московской выставке декоративного искусства. Через год он был приглашен в Москву в театр имени Вахтангова, где провел несколько лет, работая артистом, помощником режиссера и декоратором. Первая его постановка "Гамлета" в 1932 году имела большой успех.

В 1933 году Акимов переезжает в Ленинград главным режиссером Театра Комедии (б. Театра А. С. Суворина в дореволюционной столице) и этот пост занимает 35 лет вплоть до дня своей

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

О. М. ВРАНГЕЛЬ

Нам пишут из Нью Йорка:

Баронесса Ольга Михайловна Врангель, вдова генерала П. Н. Врангеля, скончалась в Си Клиффе, в окрестностях Нью Йорка, после непродолжительной болезни. Несмотря на свой преклонный возраст, покойная, до конца своей жизни, участвовала в общественной жизни русской эмиграции и пользовалась глубоким уважением русской колонии в Нью Йорке.

ДЕЛО ГОЛЕНЕВСКОГО

Нам пишут из Лондона:

Написанная английскими журналистами Пэджем, Лейтчем и Найтли книга о советском агенте Гарольде (Киме) Фильби, состоявшем три десятилетия на службе британского Интеллидженс Сервис и едва не ставшем начальником всей британской военной и политической разведки, но бежавшем в Москву в январе 1963 года из Бейрута, содержит короткое упоминание о Михаиле Голеневском, самозванно именуяющим себя сыном убиенного Императора Николая II.

Авторы книги о Фильби не коснулись этой стороны загадочной личности и деятельности Голеневского, но высказали предположение, что его появление на Западе могло стать одной из причин бегства Фильби в СССР.

Случилось то, — сказано в последней главе упомянутой книги, — что Англичане удалось разоблачить крупного советского шпиона и Фильби, с присущей ему, как агенту, способностью чувствовать опасность, знал, что она ему угрожает. Разоблаченным в Англии шпионом был Джордж Блэк, агент британской контрразведки, работавшей на большевиков в течение, приблизительно, десяти лет. Блэк был предан начальником польской разведки, полковником Михаилом Голеневским, который, как Фильби это понимал, мог предать и его. Стоило рискнуть и убедиться в том, сделал ли это Голеневский, но на всякий случай Фильби должен был подготовиться к бегству.

Упомянутый в этой информации Блэк был приговорен английским судом к 42 годам тюремного заключения, но в октябре 1966 года бежал из лондонской тюрьмы и ныне находится в СССР.

Авторы книги о Фильби не сказали, разоблачил ли Голеневский не только Блэка, что соответствует утверждениям самого Голеневского, но и Фильби. Они утверждают, что Интеллидженс Сервис сознательно дал Фильби возможность бежать из Бейрута в Москву, чтобы избежать необходимости добиться его выдачи из Ливана в Англию и судебного процесса, который показал бы английскому общественному мнению, что в течение 30 лет советский агент был одним из руководителей великобританской тай-

кончины. Его художественные постановки были полны реализма и тем выгодно отличались от замысловатых выдумок Мейерхольда и других новаторов. Поэтому он всегда был любимцем широкой публики. После блестящих постановок им в Ленинграде пьес знаменитого итальянского драматурга и артиста Эдуардо де Филиппо, как "Филомена Мартурано", "У лжи ножки коротки", "Искусство комедии", "Цилиндр" он в 1967 году приехал во Флоренцию, где поставил со своей труппой ленинградских гастролеров "Пестрые рассказы" А. П. Чехова: в этот раз итальянцы впервые увидели на сцене его "Унтер Пришибеев", "Хамелеон", "Анна на шее", которые потом в итальянском переводе стала передавать Римская телевизионная.

В конце августа с. г. Акимов со своей труппой приехал на гастроли в Москву, где с 1-го сентября стали ставить спектакли в Московском Театре Сатиры. Накануне первого спектакля ему сделалось дурно и первый дебют ленинградцев прошел без него. Но второго сентября он появился в театре, где москвичи после спектакля вызвали своего 67-летнего любимца. В ночь на 6-е сентября новый припадок прервал жизнь беспартийного артиста, отдавшего искусство свои дарования большого режиссера и художника-декоратора.

Алексей Ростов

ной службы. ее представителем для связи с американской центральной разведкой и начальником, так называемого, советского отдела английской разведки.

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ

Нам пишут из Торонто:

"Информационный листок", орган СБОНР-а, опубликовал новые сведения о московском пресс-бюро "Новости".

"Ни для кого не секрет, — сказано в этой информации, — что все советские учреждения, ведущие сношения с иностранцами, пронизаны агентурой Комитета Государственной Безопасности, а заграничные представители этих учреждений почти без исключения офицеры КГБ. Однако, агентура "Новостей" превзошло все предыдущие креатуры КГБ. В нем сосредоточены лучшие молодые силы современных опричников. Сотрудники "Новостей" являются первоклассными специалистами в области кинотехники, журнализма, телевидения; в их распоряжении многочисленные переводчики, писатели, артисты; для них открыты все двери в Советском Союзе. В то время, как ТАСС с подозрительностью всматривается в каждого иностранца, представители "Новостей" обольщают иностранцев своей вежливостью, расторопностью и знанием дела. В результате, "Новости" в короткий срок приобрели широкие связи в иностранном мире и преуспевают там, где ТАСС постоянно терпел поражения.

"Новости" были созданы в 1961 году. В настоящее время, агентство обслуживает 640 советских газет и журналов и имеет собственных корреспондентов в 79 столицах мира. Одним из крупных работников агентства является разоблаченный шпион Ким Фильби. Среди журналистов, обслуживающих "Новости", Ральф Паркер, в прошлом работавший в "Нью-Йорк Таймс"; Арчибалд Джонстон, в прошлом редактор советского журнала "Бритни Элай"; Виктор Луис, известный эмигрант по делу Тарсиса и в связи с контрмерами советского правительства против Светланы Аллилуевой. Помимо иностранцев-перебежчиков, в "Новостях" работают представители молодой партийной аристократии: до падения Хрущева — Алексей Аджубей; в настоящее время — Анатолий Громыко, сын советского министра иностранных дел; Галина Брежнева, дочь генерального секретаря КПСС; внучка Хрущева Юлия Петрова".

ГОНЕНИЕ НА ВЕРУ

Нам пишут из Сан Франциско:

"Русская Жизнь" опубликовала полужурналистский текст имевшего исключительное значение документа — жалобы, посланной 26-го апреля с. г. генеральному прокурору СССР советским гражданином Б. В. Талантовым, проживающим в гор. Кирове (Вятке).

Эта пространная жалоба дополняет многими новыми сведениями ранее уже известные данные о гонении на веру и на Церковь в Кировской области, о разрушении храмов по распоряжению местных советов, о незаконных арестах верующих.

Она содержит, кроме того, подтверждение прежних сведений о том, что коммунисты до сих пор прибегают к самому жестокому средству воздействия на верующих родителей — к так называемому, лишению родительских прав, то есть к аресту отца и матери детей, получающих религиозное воспитание, и к помещению самих детей в детские дома, где они получают антирелигиозное воспитание.

Кроме того, тот же документ содержит указание на существование в СССР катакомбной Церкви. В связи с делом арестованных и лишенных родительских прав супругов Слобожанских, у которых коммунисты отняли четверых детей в возрасте от 3-х до 12-ти лет, в жалобе сказано, что "в их доме верующие, называющие себя членами Русской Православной Церкви, молились, пели псалмы и читали Библию; все их отличало от других православных христиан заключалось в том, что они не признают патриарха Алексия и других епископов, поставленных им, считая их предателями Церкви".

Автор жалобы, сын священника, скончавшегося в советском заключении, открыто обвинил в этом документе принадлежавшего к московской патриархии митрополита Никодима в связи с КГБ.

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕМУ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ПАРТИЙНО - ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ ПРОТЕСТУЮЩЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(КРС) Если подсоветскую общественность возмущают незаконные чекистские судилища над инакомыслящими литераторами, возвращение сталинских порядков и ущемление духовного творчества, то партию испугали смелые письма-протесты подсоветских писателей и ученых.

Невзирая на существующее в Советском Союзе право, которое никому не возбраняет официально обращаться в любую инстанцию с любым ходатайством, КПСС сейчас усиливает нажим на тех смелых 550 писателей и ученых, которые открыто заступились за несправедливо осужденных Снявского и Даниэля, Галанскова и Гинзбурга, Есенина-Вольпина и других.

Боясь влияния на советских граждан западной идеологии, а теперь и опыта совмещения социалистического принципа с демократией и либерализацией Чехословакии, КПСС в последнем майском номере "Коммуниста" (№ 7) подчеркивает срочную необходимость развивать у каждого советского человека умение убежденно противостоять любым формам "буржуазного влияния".

Партия процесс раскрепощения лично-

сти среди коммунистов называет идейным срывом и объясняет это их недостаточной теоретической и политической подготовкой. Она сейчас призывает членов партии овладеть революционной теорией, чтобы быть во всеоружии против "буржуазной идеологии" и "всякого рода ревизионистов справа и слева".

Развязав на апрельском пленуме реакционный поход против интеллигенции вообще, а в частности против либеральных писателей и ученых, партия через своих верных догматиков усилила в стране идеологический, политический и чекистский нажим, главным образом на тех, кто не побоялся подписывать массовые протесты против незаконных действий власти.

Получилось прямо по повести В. Тендрякова "Кончина" ("Москва", № 3, 1968, стр. 57). Говоря о некоторых коммунистах времен коллективизации деревни, В. Тендряков называет их "умными собачками", "чуткими на ухо", с покладистыми характерами и прошедшими "дрессировку". Их отношение к вышестоящему начальству было таково:

"Хозяин только свистнуть собирается, а они уже на задних лапках здравия ему желают".

Стоило Брежневу на XIX конференции московской городской организации КПСС ("Правда", 30.3.68) заявить, что у советской интеллигенции проявляется "идейная незрелость и шатания", "позорные поступки" и "двуличность", а "отщепенцы" стали "падками на саморекламу", за которую эти люди "не могут рассчитывать на безнаказанность", как печать и отдельные коммунисты стали грубо нападать на подсоветскую общественность и интеллигенцию. При этом, проводя политику дискриминации научной и литературной интеллигенции в сравнении с рабочими и колхозным крестьянством.

Первым встал "на задние лапки" ав-

тор сказок, а теперь и шпионской пьесы по воспитанию бдительности в отношении к иностранцам ("Нейе Цурхер Цейтунг", 14.5.68), первый секретарь московской писательской организации, секретарь правления Союза писателей СССР, обладатель ордена Ленина и лауреат трех сталинских премий С. Михалков. В своем выступлении на XIX конференции московской городской организации КПСС ("Комсомольская правда", 30.3.68 и "Литературная газета", 3.4.68) Михалков резко осудил литераторов, подписавших протесты в защиту Галанскова, Гинзбурга, Есенина-Вольпина и других.

Вскоре после детского сказочника Михалкова "на задние лапки" встал правление Союза художников СССР. Его журнал "Московский художник", не называя фамилий, сообщил (ЮПИ, 4.4.68), что из Союза исключены те его члены, которые поставили свои подписи под протестом против судебного процесса по делу молодых советских литераторов.

Вслед за этим, секретариат правления московской организации писателей уведомил ("Литературная Россия", 1 мая 68), что 17 апреля он разбирал вопрос о литераторах, подписавших заявление в защиту осужденных Гинзбурга, Галанскова и других. Как сообщает газета, на заседании выяснилась "неприглядная роль ряда писателей-москвичей, проявивших недопустимую политическую беспечность и беспринципность, отдавших свое имя на вооружение нашим идеологическим противникам. Антиобщественные действия этих писателей усугубляются тем, что их письма появились в различных буржуазных газетах и зарубежных радиопередачах на СССР".

В своей заметке московская писательская организация возмущается заявлением известного специалиста по советской литературе — германиста и критика Льва Копелева, который указал, что в СССР "ленинские принципы так часто употребляются всеу, что для многих и впрямь стали риторической абс-

тракцией". Одновременно московская организация отметила, что в ее составе имеется "небольшая группа членов Союза писателей, систематически принимающих участие в так называемых "коллективных" письмах и заявлениях, которые, как правило, становятся достойным враждебных нам буржуазных печатных органов и листовок".

В вынесенном на этом собрании постановлении секретариат Московской организации требует личного "объяснения" от членов Союза писателей, связавших себя с делом Гинзбурга, Галанскова и др. путем подписи всяческих заявлений".

На пленуме московского комитета КПСС о протестующей интеллигенции говорил В. Кочетов ("Ленинское знамя", 26.4.68). По его мнению в хрущевский период никто формально не отменял основополагающих документов партии по вопросам литературы и искусства. Никто не заявлял о том, что ленинские требования к литературе устарели, утратили свое значение, сданы в архив.

"Но вместе с тем, признает Кочетов, все чаще стали слышны голоса, вещавшие о том, что художественное творчество — это такая область человеческой жизни, куда не имеет права сунуть свой нос никто и ничто. Оно-де не поддается руководству, оно — вне влияния, оно — от Господа Бога, и только Бог — судья творцам прекрасного".

Кочетов считает, что это было "отступление" и происходило оно на тех участках, где "идейный противник оказался понахальнее" и пошел в "психическую атаку" на ленинские требования.

"Тут кое-кто из литераторов, продолжает Кочетов, кое-кто из идеологов, скажем прямо, дрогнул. Одни впали в панику, другие попрытались, приумолкли. И вот посыпались тогда на головы читателей всяческие Иваны Денисовичи и Матрены с их дворами, и шумные спекулянтские стишки".

Далее Кочетов сожалеет, что не все призванные осуществлять руководство литературой и искусством выстояли "перед психическим натиском", фокус

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

A. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Revalida de Universidad Bs. Aires, Facultad de Odontología

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A Один квартал от подземной жел. дор. Rio de Janeiro по улице Corrientes.

Родительский Комитет Церковно-приходской школы при храме Св. Преп. Сергия Радонежского (Villa Ballester) 11-го октября 1968 года в залах Немецкого Клуба — calle Manzini 369, Villa Ballester, est. Chilavert

у с т р а и в а е т

ВЕЧЕР

для сбора средств на постройку школьного помещения.

— ПРЕКРАСНЫЙ ОРКЕСТР — ЛОТЕРЕЯ — БУФЕТ — СЮРПРИЗЫ —

Начало в 21 час.

В воскресенье, 6-го октября с. г. в 16.30 часов в зале на ул. Brasil 315 состоится

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ

РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

— В программе произведения русских композиторов —

— СОЛО — ДУЭТЫ — ТРИО —

Вход свободный.

Добровольные пожертвования на покрытие расходов.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 15

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

— Отдохнуть тебе надо, Коленька... Отдохнуть...

Было очень тихо в палате, и тем слышней, как Русанов вздохнул, выдвинув голову из рук и объявил:

— Я уступаю, доктор! Колите!

5

Как это называется? — расстроена? угнетена? — когда утесняется наша душа. Какой-то невидимый, но плотный, тяжелый туман входит в грудь, а все наше облегчает и сдвигает к середине. И мы чувствуем только это сжатие и эту муть, и не сразу даже понимаем — что именно нас так утеснило.

Вот это чувствовала Вера Корнильевна, кончая обход и спускаясь вместе с Донцовой по лестнице. Ей было очень нехорошо.

В таких случаях помогает вслушаться и разобраться: отчего это все? И выставить что-то в заслон.

Но она не успела даже разобраться.

Нет, вот что было: была боязнь за маму — так звали между собой Людмилу Афанасьевну три ее ординатора-лучевика. Мамой она приходилась им и по возрасту — им всем близ тридцати, а ей под пятьдесят; и по тому особенному рвению, с которым натаскивала на работу: она сама была старательна до введливости, и хотела, чтоб ту же старательность и введливость усвоили все три "дочери"; она была из последних, еще охватывающих и рентгенодиагностику и рентгенотерапию, и вопреки направлению времен и дроблению знаний, добивалась, чтоб ее ординаторы тоже удержали обе. Не было секрета, который она тайла бы для себя и не поделилась. И когда Вера Гангарт то в одном, то в другом оказывалась живей и острее ее, то "мама" только радовалась. Вера работала у нее уже восемь лет, от самого института — и вся сила, которую она в себе теперь чувствовала, сила вытягивать умоляющих людей из запахнувшей их смерти, — вся сила эта произошла от Людмилы Афанасьевны.

Этот Русанов мог причинить маме тягучие неприятности. Мудрено голову приставить, а срубить немудрено.

Да если бы только один Русанов! Ведь всякая травля, однажды кликнутая, — она не лежит, она бежит. Это — не след по воле, это борозда по памяти. Можно ее потом заглаживать, песочком засыпать, — но крики опять, кто-нибудь хоть спяну: "бей врача!" или "бей инженеров!" — и палки уже при руках.

Черные тучи подозрения, стянутые над белыми халатами, — они колючка, мн оставались там и сям, проносятся. Совсем недавно лежал в их клинике по поводу опухоли желудка шофер МГБ. Он был хирургический, Вера Корнильевна не имела к нему никакого отношения, но как-то дежурила ночью и делала вечерний обход. Он жаловался на плохой сон. Она назначила ему бромурал, но узнав от сестры, что мелка расфасовка, сказала: "Дайте ему два порошка сразу".

Большой взял, Вера Корнильевна даже не заметила особенного его взгляда. И так бы не узналось, но лаборантка клиники была этому шоферу по квартире соседка, и навещала его в палате. Она прибежала к Вере Корнильевне взволнованно: шофер не выпил порошков (почему два сразу?), он не спал ночь, а теперь выпрашивал лаборантку: "Почему ее фамилия Гангарт? Расскажи о ней поподробней. Она отравит меня хотела. Надо ей заняться".

И несколько недель Вера Корнильевна ждала, что ей з а й м у т с я. И все эти недели она должна была неуклонно, не ошибочно и даже со вдохновением ставить диагнозы, безупречно отмерять дозы лечения и взглядом и улыбкой подбадривать больных, попавших в этот пресловутый раковый круг, и от каждого ожидать взгляда: — "А ты не отравительница?"

Вот еще что сегодня было особенно тяжело на обходе: что Костоготов, один из самых успешных больных и к которому Вера Корнильевна была особенно почему-то добра — Костоготов именно так и спросил м а м у, подозревая какой-то злой эксперимент над собой.

Шла удрученная с обхода и Людмила Афанасьевна и тоже вспоминала неприятный случай — с Полной Заводчиковой, скандальнейшей бабой. Не сама она была больна, но сын ее, а она лежала с ним в клинике. Ему вырезали внутреннюю опухоль и она напала в коридоре на хирурга, требуя выдать ей кусочек опухоли сына. А дальше у нее была идея — отнести этот кусочек в другую клинику, там проверить диагноз и если не сойдется с первоначальным диагнозом Донцовой, то подавать в суд и мстить.

Не один такой случай был на памяти у каждой из них.

Теперь, после обхода, они шли договорить друг другу то, чего нельзя было при больных, и принять решения.

С помещениями было скудно в 13-м корпусе и не находилось комнатки для врачей лучевого отделения. Они не помещались ни в операторской "Гамма-пушки", ни в операторской длиннофокусных рентгеновских установок на сто двадцать и двести тысяч вольт. Было место в рентгенодиагностическом, но там постоянно темно. И поэтому свой стол, где они разбирались с текущими делами, писали истории болезни и другие бумаги, они держали в лечебном кабинете короткофокусных рентгеновских установок — как будто мало им было за годы и годы их работы тошнотного рентгеновского воздуха с его особенным запахом и разогревом.

Они пришли и сели рядом за большой этот стол без ящиков, грубо остроганный. Вера Корнильевна переключивала карточки стационара — женские и мужские, разделяла, какие она сама обрабатывает, а о каких надо решить вместе. Людмила Афанасьевна угрюмо смотрела перед собой в стол, чуть выкатив нижнюю губу и чуть постукивая карандашником.

Вера Корнильевна с участием взглядывала на нее, но не решалась сказать ни о Русанове, ни о Костоготове, ни об общей врачебной судьбе — потому что понятно повторять ни к чему, а высказаться можно недостаточно тонко, недостаточно осторожно и только задеть, не утешить.

А Людмила Афанасьевна сказала:

— Как же это бесит, что мы бессильны, а?! — (Это могло быть о многих осмотренных сегодня). Еще постукала карандашником. — Но ведь нигде ошибок не было. — (Это могло быть об Азовкине, о Мурсалимове). — Мы куда-то шат-

которого заключался в "жонглировании" понятиями "свобода творчества" и невозможностью творить "по указке", "по заказу". При этом "указкой" называлось осуществление руководящей роли партии, а "заказом" — требования партийности в художественном творчестве.

Заканчивая свое выступление Кочетов напад на тех, кто подписал протесты.

"Разве желанье потрафить буржуазному Западу, заслужить лицемерную похвалу в парижских "Фигаро" и "Матен", в Нью-Йоркских журналах и журнальчиках можно назвать свободным желанием? А не находишься ли ты вольно или невольно на службе у чужаков? А свободны ли кое-кто подписывал и подписывает всяческие клеветнические письма, потом передаваемые по чужому радио и публикуемые в чужих газетах и журналах. О литературе надо писать по-ленински, она — грозное, массовое оружие. Оно подготавливает революцию, но оно и подготавливает, как мы знаем, контрреволюцию". (Курсив наш "Н. С.")

Страх перед контрреволюцией, видимо, испытывает и секретариат правления Союза писателей СССР. Его печатный орган "Литературная газета" (8. 5. 68) пишет, что на расширенном заседании под председательством К. Федина была дана принципиальная оценка поступкам литераторов, поставивших свои подписи под письмами, в которых берутся "под защиту отщепенцы, справедливо наказанные советским судом". Секретариат также обеспокоен и тем, что эти письма "с политически вредными и безответственными высказываниями попадают за границу, используются враждебной пропагандой для дискредитации советского строя".

На этом заседании писатель Н. Бажан заявил, что "в обострившейся ныне борьбе идеологий советские писатели должны быть умными, меткими и опытными бойцами". Газета отмечает, что

"писательские организации не имеют права проходить мимо поступков, недостойных звания советского писателя. Эти поступки должны быть предметом строгого рассмотрения". Известно, что секретариат московской писательской организации уже предпринял строгие меры взыскания к некоторым своим членам ("Литературная газета", 3.4.68 г.). Далее секретариат правления ССП подчеркивает, что "коммунистическая идейность, непримиримость к малейшим антипатриотическим проявлениям, неусыпная политическая бдительность" являются "уставным требованием к члену Союза". Советский писатель ни при каких условиях не должен своим творчеством или общественным поведением давать ни одного повода для использования его имени враждебной пропагандой".

Поэт сказок С. Михалков не унимается. В своей статье "Свет и тень" ("Правда", 11. 5. 68) он снова обрушивается не только на молодых советских литераторов, но и на писателей эмигрантов и опять на тех, кто открыто встал на защиту несправедливо осужденных.

С. Михалков заявляет, что "московской" литературой можно считать только такую литературу, которая является "высокоидейной и партийной". "Мы не хотим, — подчеркивает Михалков, — называть "московскими" иные произведения, сочиненные хоть и в Москве, "но во вред нам изданные на русском языке за тысячи километров на запад от советской столицы".

Сообщая о письмах-протестах, Михалков не скрывает, что эти письма подписывались крупными писателями и учеными, "подчас и не читая". Михалков в своей статье даже изображает процесс подписывания:

"Несколько "инициаторов", желающих возместить свою творческую несостоятельность политическим скандалом, организовали письма в защиту уголовников, тут же объявленных за рубежом

✧ В понедельник 7-го октября с. г. в ПЯТУЮ годовщину кончины моей дорогой жены

АЛЕКСАНДРЫ ЯКОВЛЕВНЫ ВАСИЛЬКИОТТИ

в храме Св. Преподобного Сергия Радонежского (Villa Ballester, Falucho 854) будут отслужены:

1. В воскресенье, 6-го октября, в 18.30 час. Заупокойные Вечерня и Утреня;
2. В понедельник, 7-го октября, в 9 час. утра — Заупокойная Божественная Литургия,

о чем с глубокой скорбью извещает муж покойной.

"советскими литераторами". Сборщики подписей пользовались в этом случае тяжелой болезнью и мягкосердечием того или иного видного писателя, в другом — неосведомленностью, в третьем — политическим недомыслием и расплывчатым пониманием "гуманизма вообще".

В заключение Михалков извещает читателей "Правды", что "партийный актив московских литераторов и секретариат московской писательской организации единодушно осудил авторов безответственных документов".

Становится на задние лапки, уже не в первый раз, и секретарь Союза писателей РСФСР М. Алексеев. В статье "На переднем крае" ("Литературная Россия", 17. 5. 68) Алексеев обеспокоен тем обстоятельством, что сейчас в литературную полемику "наглым, агрессивным образом вносятся элементы диверсионные", превращающие "далеко не первого ряда" литераторов Сняевского и Даниэля в "известнейших", а вокруг "доселе никому неведомых Гинзбурга, Галанскова и Добровольского", поднимается "истощный вопль".

"Кое-что из наших московских собратьев по литературному цеху, пишет М. Алексеев, клюет на эту не столь уж хитроумную удочку, торопится со своими "протестами". Он готов был бы и взять свою подпись под известным письмом обратно, а письмецо-то уж распечатано в самых реакционных из-

даниях в тиражах миллионных и пушено в эфир такого же достоинства радиостанциями. . . Спросишь такого любителя подписывать что угодно и когда угодно, знал ли он, что содеяно тем, в защиту кого послана грозная петиция, чаще всего слышишь: "Нет, не знал". Не знал, а подписал. Как вам это нравится?".

Тревожит Алексева и то обстоятельство, что на некоторых собраниях московских литераторов одному оратору создается обстановка наибольшего благоприятствования, а другого встречают "свистом и улюлюканьем чуть ли не стоняют с трубуны и делает это какой-нибудь десяток фрондеров-заводил".

Не об этом ли свисте писал В. Каверин в своем письме от 25 января 1968 г. К. Федину? (см. "Наша Страна" № 956).

В заключение М. Алексееву "обиднее всего то, что по этому крикунам да по тем еще, кто уснащает своими подписями, на поживу недругам нашим, разного рода послания, иногда судят о всей Московской писательской организации". Но сейчас успокаивает себя Алексеев, парком его организации "с помощью городского и районного комитетов партии" активизировался в "идейно-воспитательной работе" с писателями. М. Алексеев "забыл" сообщить в своей статье, что в защиту осужденных молодых литераторов выступили также известные писатели, как К. Паустовский, В. Каверин, В. Аксенов, поэтесса Белла Ахмадулина и другие. ●

Общество "Русское Собрание", при содействии Российской Колонии в Аргентине объявляет, что

ВТОРАЯ лекция Н. П. Кусакова из цикла

РУССКАЯ ПРАВДА

(очерки русской политической философии)

имеет состояться в ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 сентября в Доме Русского Корпуса

Она содержит темы:

1. Введение	3. Гуманизм
2. Христианская Европа	4. Схоластика
	5. Вопросы Права

Начало лекции в 16.30 часов.

ОБЩЕВОЙСКОЙ КАЗАЧИЙ ПРАЗДНИК ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

В воскресенье, 13-го октября, в канун Общевоицкого Казачьего Праздника, в Св. Троицком Соборе (Brasil 315) после Божественной Литургии будет отслужен

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕН

В тот же день, в 14.30 час. в помещении Центра Русских Белых (Carlos Calvo 2851) состоится Общевоицкая Трапеза. Куверт — 350 песо.

Всех казаков, казачек и друзей казачества на молебен и трапезу сердечно приглашает Правление Общеказачьего Союза в Аргентине.

нулись в диагнозе, но лечили верно. И меньшей дозы мы дать не могли тоже. Нас погубила бока.

— Вот как! — она думала о Сибгатове! Бывают же такие неблагодарные болезни, что тратишь на них утроенную изобретательность, а спасти больного нет сил. Когда Сибгатов впервые принесли на носилках, рентгенограмма показала полное разрушение почти всего крестца. Шатание было в том, что даже с консультацией профессора, признали саркому кости, и лишь потом постепенно выявили, что это была гигантоклеточная опухоль, когда в кости появляется жижа, и вся кость заменяется желеподобной тканью. Однако, лечение совпадало.

Крестец нельзя отнять, нельзя выпилить — это камень, положенный во главу угла. Оставалось — рентгенооблучение и обязательно сразу большими дозами — меньше не могли помочь. И Сибгатов выздоровел! — крестец укрепился. Он выздоровел, но от бычьих доз рентгена все окружающие ткани стали непомерно чувствительны и расположены к образованию новых злокачественных опухолей. И сейчас, когда уже кровь его и ткани его отказывались принять рентген, — сейчас бушевала новая опухоль, и нечем было ее сбить, ее только держали.

Для врача это было сознание беспомощности, несовершенство методов, а для сердца — жалость, самая обыкновенная жалость: вот есть такой кроткий, вежливый, печальный татарин Сибгатов, так способный к благодарности, но все, что можно для него сделать, это — продлить его страдания.

Сегодня утром Низамутдин Бахрамович вызвал Донцову по специальному этому поводу: ускорить оборачиваемость коек, а для того во всех неопределенных случаях, когда не обещается решительное улучшение, больных выписывать. И Донцова была согласна с этим: ведь в приемной вестибуля у них постоянно сидели ожидающие, даже по несколько суток, а из районных онкопунктов шли просьбы разрешить прислать больного. Она была согласна в принципе, и никто, как Сибгатов так ясно не подпадал под этот принцип, а вот выписывать его она не могла. Слишком долгая изнурительная борьба велась за этот один человеческий крестец, чтоб уступить теперь простому разумному рассуждению, чтоб отказаться даже от простого повторения ходов с ничтожной надеждой, что ошибается все-таки смерть, а не врач. Из-за Сибгатова у Донцовой даже изменилось направление научных интересов: она углубилась в патологию костей из одного порыва — спасти Сибгатова. Может быть в приемной сидели больные с меньшей нуждой — а вот она не могла отпустить Сибгатова и будет хитрить перед главврачем, сколько сможет.

И еще настаивал Низамутдин Бахрамович не задерживать обреченных. Смерть их должна происходить по возможности вне клиники — это тоже увеличило оборачиваемость коек, и меньше угнетения будет оставшимся, и улучшится статистика, потому что они будут выписаны не по причине смерти, а лишь "с ухудшением".

По этому разряду и выписывался сегодня Азовкин. Его история болезни, за месяцы превратившаяся уже в толстую тетрадку из коричневатых склеенных листиков с грубой выделкой со вставками белесоватыми кусочками древесины, задирающими перо, содержала много фиолетовых и синих цифр и строчек. И оба врача видели сквозь эту подклеенную тетрадку вспотевшего от страданий городского мальчика, как он сживал на койке, сложенный в погибель,

но читаемые тихим мягким голосом цифры были неумолимо раскатывались, и обжаловать их не мог никто. Тут было двадцать шесть тысяч "эр" облучения, из них двенадцать тысяч в последнюю серию, пятьдесят инъекций синэстрола, семь трансфузий общим объемом литр двести тридцать миллиметров крови, и все равно лейкоцитов только три тысячи четыреста, эритроцитов... Метастазы рвали оборону как ткани, они уже твердели в средостении, появились в легких, уже воспалали узлы над ключицами, но организм не давал помощи, чем их остановить.

Врачи переглядывали и дописывали отложенные карточки, а сестра-рентгенолаборант тут же продолжала процедуры для амбулаторных. Вот она ввела четырехлетнюю девочку в синем платье с матерью. У девочки на лице были красные сосудистые опухолечки, они еще были малы, они еще не были злокачественны, но принято было облучать их, чтоб они не переродились. Сама же девочка мало заботилась, не знала о том, что может быть на крохотной губке своей несла уже тяжелую гирию смерти. Она не первый раз была здесь, уже не боялась, щебетала, тянулась к никелированным деталям аппаратов и радовалась блестящему миру. Весь сеанс ей был три минуты, но эти три минуты она никак не хотела посидеть неподвижно под точно направленной на больное место узкой трубкой. Она тут же изворачивалась, отклонялась, и рентгенотехник, нервничая, выключала и снова и снова наводила на нее трубку. Мать держала грушку, привлекая внимание девочки и обещала ей еще другие подарки, если будет сидеть спокойно. Потом вошла мрачная старуха и долго разматывала платок и снимала кофту. Потом пришла из стационара женщина в сером халате с шариковой цветной опухолью на ступне — просто наколола гвоздем в туфле — и весело разговаривала с сестрой, никак не предполагая, что этот сантиметровый пустячный шарик, который ей не хотят почему-то отрезать, есть королева злокачественных опухолей — меланобластома.

Врачи невольно отвлекались и на этих больных, осматривая и давая советы сестре, — так уже перешло время, когда надо было Вере Корнильевне идти делать эмбриновый укол Русанову, — и тут она положила перед Лидией Афанасьевной последнюю нарочно еко так задержанную каторчку Костоглотова.

— При таком запущенном исходном состоянии — такое блестящее начало, — сказала она. — Только уж очень упрямый человек. Как бы он правда не отказался.

— Да попробует он только! — пристукнула Людмила Афанасьевна. Болезнь Костоглотова была та самая, что у Азовкина, но так обнадежительно поворачивалось лечение и еще бы он смел отказаться!

— У вас — да, — согласилась сразу Гангарт. — А я не уверена, что его переупрямлю. Может прислать его к вам? — Она счищала с ногтя какую-то прилипшую соринку. У меня с ним сложились довольно трудные отношения... Не удаётся категорично с ним говорить. Не знаю почему.

Их трудные отношения начались еще с первого знакомства.

Был ненастный январский день, лил дождь. Гангарт заступила на ночь дежурным врачом по клинике. Часов около девяти вечера к ней вошла толстая здоровая санитарка первого этажа и пожаловалась:

— Доктор, там больной один безобразит. Я сама не отоьюсь. Что ж, это если меры не принимать, так нам на голову сядут. (Продолжение следует)

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

Наша ошибка. На протяжении длительного времени газеты упрямо и настойчиво ставили Чехословакию в центр своего внимания. Это наводило на мысль, что демократический Запад не намерен уступать большевикам, и не смотря на их сопоставленные все-таки сумеет перевести страну, овеванную ставкой Яна Масарика, в лагерь права и свободы. Дальнейшее показало, что это была наша ошибка. Чехословакия, в общем, сдана большевикам так же, как демократический Запад подал им, вслед за Россией, и Китай, и Польшу, и Кубу, и все прочие земли.

Ошибиться мы имели право, так как Чехию сдавали не сразу, как, например, Кубу, а постепенно. Но вот теперь уже занавес опустился окончательно и накрепко. Остался мелочный, зачисткой которых большевики теперь и занимаются. На фоне этих мелочей всплывает удивительное явление, — незнание заграничниками того, что же такое есть большевизм.

Вы знаете, конечно, что когда мрак большевизма покрыл Россию, то вопреки логике на русскую землю отправилось некоторое число людей, считавших себя так или иначе обязанными перед Россией и мнимо, что находясь на русской земле, они смогут так или иначе работать на низвержение большевизма. Так на русскую землю отправился поэт Гумилев, вскоре же принявший смерть от большевизмской пули, так возвращались из эмиграции вольнолюбивые умы, подобно Пастернаку, так и современный министр иностранных дел Чехословакии, Йирий Гайек, поторопился в Чехию, когда она оказалась занятой войсками, подчиненными московским большевикам.

Заметьте, к тому времени Западный мир демократии уже знал, что такое чехская антибольшевизмская эмиграция. Гайек был из числа севших в кресла, освободившиеся в 1948 г. Йирий Гайек 21-го августа находился в Югославии. Узнав об оккупации Праги, он помчался в Нью Йорк. Здесь он воспользовался форумом Организации Объединенных Наций, надеясь, что это мощное учреждение вступит за Чехию, и Гайек решительно и вслух всему миру опровергал шедшие из Москвы заявления, говорившие, будто бы Чехия подверглась оккупации по просьбе чешских рабочих-крестьянских групп, испугавшихся контрреволюционной деятельности правительства Дубчека.

Сам же будучи членом коммунистической партии, зная, стало быть, ленинские приемы в работе, Гайек мог бы понимать, что ехать ему в Чехию после таких выступлений перед свободным миром, мягко выражаясь, нет смысла. Но он все-таки отправился в Прагу. Очевидно, надеясь, подобно Гумилеву и Пастернаку и им подобным, внутри Чехии работать на низвержение большевизма под прикрытием своих намерений фиговым листком партбилета коммуниста.

Сейчас уже газеты сообщили, что Гайеку пришлось подать в отставку. О дальнейшей его судьбе нам придется узнать позднее, или же мы о ней никогда и не узнаем. Нам остается удивляться наивности чехов. Если наивность Гумилева и Пастернака и им подобных имеет оправдание отсутствие опыта отношений с большевизмом, то нынче, на 51-ом году после ленинской революции, можно же было бы иметь хоть сколько-нибудь здравого смысла, чтобы не ехать. Так нет же. Поехал.

И еще. Во время оттепели в Чехии люди занялись розысками с целью своего рода реабилитации Чехии от сталинизма. Как в Германии была волна "энтнацификация" и нашлись вольноопре-

деляющиеся, посвятившие свое время розыскам наиболее заядлых нацистов, так и в Праге определился некто Бродский, коммунист, сидевший под замком у коммунистов сталинцев и чудом избежавший Потьмы. При Дубчеке он пользовался свободой и вел кампанию по выслеживанию наиболее рьяных сталинцев, глубже чем другие окунавших руки в кровь всего, что носит окраску контрреволюции.

Разумеется, тов. Бродский оказался умнее Гайека. Наученный опытом, едва зашвырнув грохот танков, шедших с востока, он нелегально перешел границу и оказался в Вене. И тут он проявил ту же наивность, которую так долго, так уверенно и так упорно проявляла русская Белая эмиграция, твердившая про большевизм, что "это долго продолжаться не может". У нас не было опыта. Наша наивность имеет оправдание. Мы надеялись на то, что Запад будет содействовать свержению большевизма. Но Бродский-то должен же знать по опыту русских, что для освобождения Чехии от большевизма демократический Запад палец о палец не ударит, а без помощи извне с большевизмом справиться нельзя.

Представьте же себе, какое чувство горькой иронии нам пришлось испытать, когда среди газетных строк мелькнуло уверение Бродского о том, что "это долго длиться не будет".

Дебрэ. Свободный демократический мир высказал свое утверждение бржевневской оккупации Чехии устами французского министра иностранных дел Мишеля Дебрэ. Выступив по какому-то случаю, с речью, Мишель Дебрэ выразил свое полное согласие на то, что, де, мол, Россия распорядилась по-своему в своей зоне. Если когда-то Франция выступила с ником непонятным словом "Антанта", то теперь Мишель Дебрэ говорит про "Детанту", которая должна каким-то образом содействовать делу мира во всем мире, балансу сил и проч. и проч. и тому подобное.

У-Тхант. Кстати о Франции. Там, если помните, уже второй месяц происходят предварительные переговоры о мире во Вьетнаме между американцами и северными вьетнамцами. По случаю чествования Дага Хаммершльда, в Париже оказался генеральный секретарь ООН У-Тхант, с которым в беседе вступил тот же Мишель Дебрэ. В этой беседе У-Тхант высказался просто и недвусмысленно, что для водворения мира во Вьетнаме необходимо, чтобы Сев. Америка безоговорочно прекратила бомбардировки Сев. Вьетнама.

У-Тхант, правда, показал глубокую проницательность и знание дела. Он сказал, что, разумеется, это было бы связано с некоторым риском, но!.. Дело мира заслуживает того, чтобы пойти на такой незначительный риск. (Хорошо незначительный риск, надо доложить...).

Так У-Тхант положил на чашку весов поражения Америки громадного значения гиру.

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Unos días después de estallada la guerra, recibí de la redacción de este periódico una oferta para colaborar en él, y a fines de agosto de 1941 subía al tren que me llevó a Berlín. Empezó la primera etapa de mi nueva vida. Pero ya en aquel entonces no pensaba sino en el momento en que comenzaría la segunda, momento en que me aproximaría a la ex frontera de la Unión Soviética.

No dudaba de que lograría realizar mis planes y terminaría por cruzar aquella frontera.

Las sombras de la noche van envolviendo al tren que corre dulcemente por la llanura de Croacia Oriental. Hace tiempo que se disiparon y desaparecieron las familiares siluetas de Belgrado. Pero continúo mirando hacia aquel punto del horizonte en que perdí de vista la ciudad. Me despidió mentalmente de ella. Con tristeza y ternura digo adiós a la urbe en que pasaron catorce años de mi vida, donde fui empedrador de calles, estudiante de la Universidad y periodista, changador en el puerto y autor de piezas que fueron representadas en los teatros del Estado. Dejé en la ciudad, que acaba de hundirme en la lejanía y la oscuridad, crueles años de mi vida, que parecen páginas de una obra de Jack London.

(Continuará)

Возникает чувство, что Свободный демократический Запад решил пойти на сдачу Южного Вьетнама красным и тем самым на поражение Сев. Американских Соед. Штатов перед миром "Желтой опасности". Это улавливается не из военных операций и не из сводок командования, но из заявления президента Южного Вьетнама Нгуыена Ван Тхю. Он подготавливал общественное мнение населения Южного Вьетнама к тому, что к концу следующего года американские военные силы могут начать свой выход из Вьетнама и таким образом борьба всей своей тяжестью ляжет на плечи Южного Вьетнама.

Германия. Вдруг, неожиданно и без всякой видимой причины красные стали писать о нарастании духа нацизма и милитаризма в Западной Германии, и партийная газета "Правда" стала говорить о необходимости принятия мер на случай, если бы то понадобилось. Снова послышался лягу оружия, которым стали бряцать бржевневцы. В ответ, с Запада им было сделано надлежащее напоминание, после чего на газетных столбах пошла потасовка спора о надлежащем истолковании одного из параграфов Потсдамского соглашения и об отношении стран победительниц к побежденной Германии на случай возрождения германского милитаризма.

Во всем этом пустословии наше внимание больше всего было привлечено подписью комментатора "правдиста", как эти избранные журналисты именуются в Москве. Этим комментатором оказался Владлен Кузнецов.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.

Прием больных от 14.00 до 15.00 час. по субботам.

Адрес: Calle Buenos Aires 2655, Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215 и железнодорожная станция "Dr. Ce-trangolo" (Mitre).

Стоимость визита — 50 песо. Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам.

Заведующий амбулаторией — др. М. Царевский.

Это напомнило, что уже выросло поколение тех, о ком большевизмские газеты, захлебываясь от восторга, писали, когда они рождались в семьях "передовых" рабочих и когда их приносили в рабочие клубы для "октябри". Этим детей "октябрили" новыми именами. Появились Владлены, Октябри, Нинели, Сталиночки и бесконечное количество Эдиков.

Теперь эта некрещеная бесвкусица все больше и больше заполняет ряды русского народа. Россия имеет дело с поколениями людей, ум и сердце которых уже оказались продуктом большевизмского объективания, — людей, устремленных по пути к дарвиновой обезьяне. Подумайте, что ждет мир, когда власть окажется целиком в руках обезьяньих потомков!

Впрочем, не от этой ли именно общей тенденции родился и весь большевизм? Не от нее ли происходит и великая терпимость демократического Запада к большевизму? Не потому ли Запад так благодушно сдает большевизму одну позицию за другою, что здесь давно уже утвердилась вера в дарвинову обезьяну, что здесь раньше чем в России началась эпоха господства человека, прогрессирующего в направлении к обезьяноподобию?.. Чем американский мальчик Перигей и девочка Орбита лучше советской Сталиночки, Нинели или Владлена?

Выборы. В Соед. Штатах Сев. Америки нарастающим темпом идет подготовка к выборам президента республики. Кандидаты выступают с речами, слегка критикуя один другого и один перед другим указывая на свои способности вывести Америку из войны во Вьетнаме.

Под шум этих пререканий незаметно протекает противоречие о назначении на пост Главного Судьи Верховного Суда Сев. Американской республики Авраама Фортаса. Он известен, как давний советник президента Л. Джонсона и его старый друг. Его враги указывают на его давние связи с коммунистическими организациями Америки, помимо чего известно так же о его сотрудничестве в старое время с политическими деятелями Рузвельтовой группы, льнувшими к большевизму и бывшими авторами первых набросков статута Организации Объединенных Наций и попавшимися на советском шпионаже. Помните Алджера Хисса?

Таков на сей раз наш отчет о событиях, происшедших в течение недели.

Наблюдатель

ЦАРЬ САЛТАН

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ — Р.Т.Д.Д.

отмечает

10 лет своего существования 1958 — 1968

ПОСТАНОВКИ:

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

по А. С. Пушкину. Сценарий и либретто Г. Лукин. Музыка: Н. Римский - Корсигов. Декорации И. Шмитов.

Спектакль состоится 1-го НОЯБРЯ (пятн.) 1968 г.) точно в 16 часов в зале:

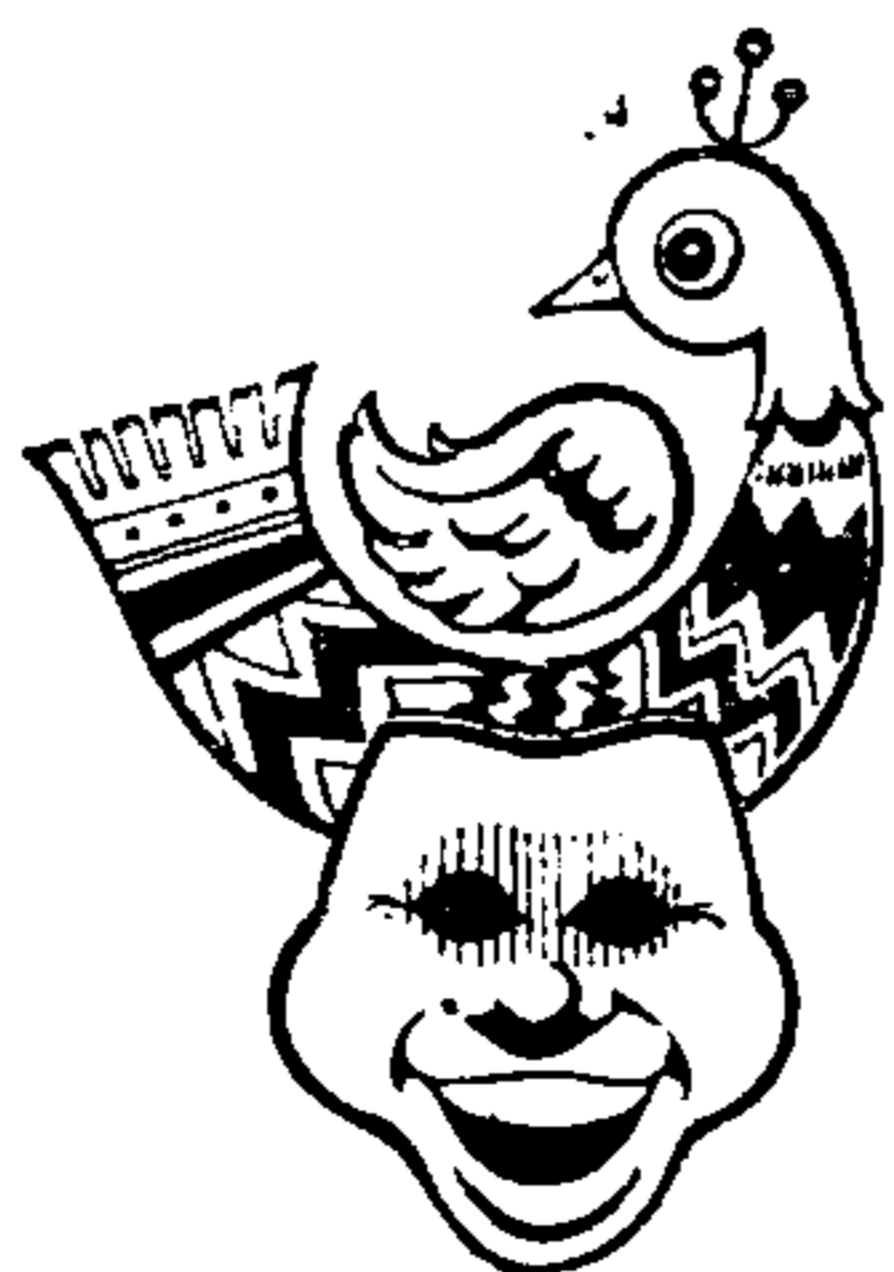
TEATRO LASALLE с. RIO BAMBVA 650 — CAPITAL

Subte Callao y Corrientes. Altura: Callao 600

Билеты:

300—400—500—700 и 1000 песо для взрослых зрителей и 100—200—300—500 и 800 песо для детей до 13-ти лет.

Предварительная продажа билетов в помещении О.Р.Ю.Р.: ул. Буэнос Айрес № 2655, Оливос, по субботам с 9-13 и 18-20 часов и по тел.: 44-2061 и 44-6353 в будние дни от 10-12 и 14-19 часов у гг. А. Баумгартена и И. Шмитова, в праздничные дни тел.: 32-0473 у Г. А. Баумгартена, а также у всех членов РТДД.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ
Присяжный Переводчик
TRADUCTOR PUBLICO
Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков

М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ

Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4

T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)

Специальное лечение корневых зубов.

Бор-машина Ultrasónico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.

Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital

T. E. 88 - 3605

(Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico La-croze).